

Она кричитъ на служавку:

— Хрейина! готовъ двѣнадцать паръ чулокъ и двѣнадцать паръ ботинокъ! И дать на сонъ грядущій бокала водки часовому солдату!

Подаетъ солдату водки.

— Миѣ, гартъ, нельзя пить: я на часахъ стою.

— Государыня приказала, штобъ ты выпилъ!

Государыня приказала — надо пить.

Онъ какъ выпить, такъ лѣхъ и заснулъ. Она идѣтъ, подходитъ и къ солдату:

— Надобно побудить часового солдата, — чи спать онъ, чи нѣтъ?

И ударила его своей волшебникой рукой. То вонъ ни прощнулся. Вонъ ни порухнулся, — она сама сибѣ пошла.

Обращается отгулона назадъ:

— Што шъ ты, часовоѣ, спишь? Развѣ можно тебѣ на часахъ спать? гартъ.

— Виновать, гартъ, сударыня! (Винуетъ она ей).

Государь принимаетъ его.

— Ну, какъ, служивай, дѣло?

— Ничего, слава Богу!

— Ну, ничего — ступай пей-гулий! (День). А на ночь являйся.

Да.

Онъ опять вечеромъ являйтца.

— Смотри, гартъ государи: какъ ни можно, смотри!

— Слушантъ приказъ!

Государыня опять собираетца пить.

— Хрейина! готовъ двѣнадцать паръ чулокъ и двѣнадцать паръ ботинокъ! И дать на сонъ грядущій часовому солдату два бокала водки!

Принеситъ водки, подаѣтъ ему. Онъ какъ выпилъ водки, такъ и заснулъ. Потомъ идѣтъ въ похоть и обратилася назадъ и говоритъ:

— Дай я побужу его, — чи спать онъ, чи нѣтъ?

И размахнулась опять и ударила его своей рукой. Дыкъ онъ и не порухнулся.

Да.

А она сибѣ пошла.

Потомъ обращаетца назадъ, а онъ спитъ.

— Што шъ ты, служивай, спишь? Развѣ можно спать на часахъ? Я, гартъ, напавши скажу!

— Виновать, гартъ, государыня!

То солдаты тотъ урабѣля:

— Вотъ скажи государю, што я спалъ, гартъ.